

65.9(2Р-4)
К90
М53480

75(82.1)

62177
К90

Ы Т
СТАХАНОВЦЕВ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ЗНАТНЫЙ
МЕТАЛЛУРГ
МИХАИЛ РУССКИХ

~~14653~~ V

14 53480

А. КУЛИКОВ

668

Б-90

65.9(2Р-4кел

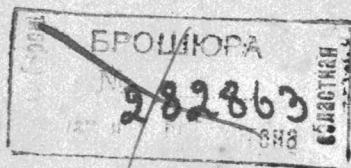
К 90

ЗНАТНЫЙ МЕТАЛЛУРГ
МИХАИЛ РУССКИХ

~~КЕМЕРОВСКОЙ~~
~~Центральной библ~~
~~имени СВР~~

385753

НОВОСИБИРСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 3 8

Редактор
Ф. Г. Кузнецов

Техред
А. Л. Темиряев

Сдано в производство 9/III-38 г.
Подписано к печати 4/IV-38 г.

Формат 70×108/32. Тир. 3000. Бум.
л. 9/16. Печ. л. 1¹/₈. Уч.-авт. л. 1,75.
Авт. л. 1,65. Инд. НТ-3-в. Изд. № 2002.
Новосибирск, типогр. № 1 Обли-
сполкома. Зак. 844. Уполномоченный
Обллита № 7943 от 4/IV-38 г.

„Величайшим достижением первого двадцатилетия бесспорно являются новые люди — миллионы людей, воспитанных, взращенных, поднятых коммунистической партией и советской властью“.

(„Правда“).

1

Восьмитонный слиток стали, нагретый до температуры свыше тысячи градусов, подается на тележке от нагревательных колодцев к блюмингу — огромному прокатному стану. Слиток плавно ложится на валки рольганга. Валки пришли в движение; слиток катится по рабочему рольгангу к первому калибру обжимного стана — блюминга.

Теперь раскаленный слиток стали всецело в подчинении двух людей — оператора блюминга и его помощника — манипуляторщика, которые управляют одной из сложнейших машин металлургической промышленности. Мощность блюминга — семь тысяч лошадиных сил!

Командир блюминга — оператор (его называют также вальцовщиком) сидит в кабине управления. В застекленные окна кабины виден весь опромнейший цех. Вот далеко позади от поста, из нагревательных колодцев, плавно поднимается вверх раскаленный слиток стали. Он кажется отсюда небольшим. Слиток прочертил по воздуху огненной полосой. Кран бережно положил его на тележку. Увеличиваясь в размере, отбрасывая красное сияние на стены цеха, слиток приближается к стану. И когда он ложится на рольганг — вдали уже поднимается в воздух следующий.

Слиток шумно проходит под полом кабины. На посту становится сразу жарко, словно под толстыми стальными листами пола разожгли огромный костер. Слиток плавно вошел под первый калибр. С оглушительным треском из-под валов блюминга вырвались раскаленные куски нагара, ударились в стекла кабины.

На несколько секунд слиток скрылся по другую сторону блюминга. Он уже потерял свою первоначальную форму, вытянулся, стал глаже. Помощник оператора «кантует» слиток, легко переворачивает его при помощи кантовальной машины. Оператор переводит рычаг контроллера назад. Слиток снова проходит между валками блюминга, уже по меньшему калибру.

Слиток в непрерывном движении: вперед, назад. Вот он перевернулся с удивительной для его величины легкостью и снова его сжимают валки. С каждым пропуском через соответствующий калибр слиток вытягивается в длину.

Проходит минута и десять секунд. Восьмитонный слиток, превратившийся в многометровый блюмс, устремляется к ножницам. Здесь его разрезают на части и они катятся дальше. В следующих цехах блюмсы превратятся в рельсы и балки, в листы стали, в конструкции, в мелкосортные детали.

Слиток — промежуточный продукт прокатного производства. Обжим слитка — первоначальная фаза проката. Блюминг (обжимный стан) — первокласснейшее техническое сооружение — задает производственный тон всем цехам проката. От его производительности, от качества обжима зависит работа всех остальных прокатных станков.

В общем заводском конвейере раскаленного металла блюмингу принадлежит одна из ведущих ролей. От его работы зависит выдача товарного проката — конечного продукта завода-гиганта, каким является Кузнецкий металлургический завод имени товарища Сталина.

В этом легко убедиться, если совершить беглую экскурсию по горячим цехам завода. Вы наблюдаете за выпуском чугуна из домы. Пробита летка. Огненным ручьем летится

чугун в огромные ковши. Составы везут жидкий чугун к разливочной машине, к колоссальнейшему хранилищу горячего металла — миксеру.

Жидкий чугун в мартеновском цехе заливается в печи. Туда заваливается также скрап (лом металла), шихта. В больших стопятидесятитонных и трехсоттонных мартеновских печах происходит превращение чугуна в сталь. Сталевар берет пробу. Если сталь готова к выпуску — пробивается летка и огненная струя металла льется в стопятидесятитонный ковш. Когда ковш наполняется, мощный 220-тонный кран поднимает его и легко переносит к составу с изложницами. Сыплются стальные искры-звездочки.

Одна за другой заполняются жидкой сталью изложницы. Резко свистит паровоз и состав с раскаленными изложницами уходит из цеха в стрипперное здание. Здесь горячие восьмитонные слитки стали освобождаются из изложниц и подаются затем к нагревательным колодцам (печах) блюминга. Подогретые до нужной температуры (1160°), они подаются на ролбанги блюминга.

**
*

В ночные часы над заводом никогда не гаснет зарево яркого сияния от выдаваемого из печей раскаленного кокса, от расплавленного чугуна и стали, от длинных составов горячих слитков. Время от времени над высокими трубами мартена колеблются длинные языки пламени, точно опромненные факелы горят в ночном небе. Ночное небо — это выражение здесь не точно. Над заводом звезды меркнут от ослепительного света тысяч электроламп. Вы можете отъехать на полсотни километров в горы Кузнецкого Алатау — огненное сияние завода видно и оттуда, из далеких горных хребтов.

Кузнецкий металлургический гигант — это красивая мечта, воплощенная большевиками в прекрасную быль.

В 1930 году на XVI съезде ВКП(б) товарищ Сталин говорил:

«Сейчас дело обстоит так, что наша промышленность,

как и наше народное хозяйство, опирается в основном на угольно-металлургическую базу на Украине... Новое в развитии нашего народного хозяйства состоит, между прочим, в том, что эта база уже стала для нас недостаточной. Новое состоит в том, чтобы, всемерно развивая эту базу и в дальнейшем, начать вместе с тем немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединение кузнецкого коксующего угля с уральской рудой».

В те дни, когда с трибуны партс'езда говорились эти исторические слова, на строительной площадке Кузнецк-строя уже закладывался фундамент форпоста социализма на Востоке.

Потребовалось немного лет, и с трибуны XVII с'езда ВКП(б) товарищ Сталин сказал:

«Новую металлургическую базу на Востоке можно считать... превращенной из мечты в действительность».

У подножия гор Кузнецкого Алатау, в преддверии горношорской тайги, вырос гигантский металлургический завод имени товарища Сталина. Только за один 1936 год завод дал стране 1.374.000 тонн чугуна, т. е. вдвое больше, чем дала за тот же год вся металлургия Испании, Австрии и Венгрии, вместе взятых. Сталинский завод дал больше половины того, что дала за тот год вся металлургия Японии.

1.281.000 тонн стали — втрое больше всей продукции металлургии Австрии — выплавил Сталинский завод за 1936 год.

Представьте себе однорельсовый железнодорожный путь от Владивостока до Одессы. Это расстояние, примерно, в 10660 километров. За четыре года работы Сталинский металлургический завод выпустил такое количество рельсов, что их вполне хватит, чтобы уложить этот путь от Владивостока до Одессы.

Вместе с заводом выросли и люди — тысячи ударников, стахановцев, десятки мастеров первого класса. Многие из них связали свою жизнь с заводом с первого дня его рож-

дения. Они пришли сюда из деревень, колхозов, часто из глухих таежных мест. Рыли котлованы, работали грабарями... Потом шли на различные курсы. Вместе с ростом завода, вместе с освоением цехов росли и они, овладевая техникой этого прекрасного гиганта, из простых грабарей и землекопов становились машинистами кранов, доменщиками, сталеварами, прокатчиками. Они показали на своих участках высокое стахановское мастерство. Они «полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и погнали вперед» (Сталин). Некоторые из них за отличный класс работы получили высшую награду страны — ордена.

О них на первом всесоюзном совещании стахановцев сказал товарищ Сталин:

«Это — люди новые, особенные... Это — люди, вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать».

К этим новым людям, которых вырастило наше героическое двадцатилетие, которых вырастил, в частности, Сталинский металлургический завод, принадлежит оператор блюминга орденоносец Михаил Павлович Русских.

... Один за другим ложатся раскаленные слитки стали на рольганги блюминга.

Спокойно, уверенно работает оператор. У него в движении только руки и ноги. У него обостренный слух. Он как к биению своего сердца прислушивается к шуму блюминга, ловит малейший подозрительный стук, хорошо знает взаимосвязь тысяч деталей этой колоссальной машины.

Эти спокойные, натренированные движения, умелое владение машиной вырабатывались у оператора годами.

Когда слиток, подскакивая на вальках рольганга, с грохотом идет в калибры стана, на лицо оператора ложится отблеск его горячего сияния. Слегка воспаленные от постоянного разглядывания раскаленного металла, глаза внимательны и строги.

Оператор дорожит каждой секундой. Из секунд слагаются минуты, а каждая минута и двадцать секунд — это обжатый слиток, это десять рельсов, это листы стали, конструкции и балки, это тоннаж товарного проката за смену, это часть плана цеха и завода в целом.

Иногда от кабины управления блюмингом по всему обширному цеху разносится сигнал, напоминающий тревожный пожарный набат: несколько резких и частых ударов о звонкую сталь. Это сигнал людям, работающим на нагревательных печах. Операторы требуют, чтобы они не задерживали подачу металла. Задержка в подаче металла, подача плохо нагретых слитков нервируют оператора, снижают производительность стана, нарушают график, стройный конвейер производства.

Смены на блюминге соревнуются. Каждый из операторов старается дать высшую производительность и хорошее качество обжима. Люди блюминга уже давно перекрыли проектную норму обжима. Кузнечкий блюминг, управляемый людьми, выросшими на заводе, по своей производительности уже перегнал блюминги такой же мощности крупнейших металлургических заводов Америки.

Советские операторы, овладев сложнейшей техникой, работая стахановскими методами, оставили американцев позади.

Весь заводский коллектив гордится именами стахановцев прокатного цеха — братьев Михаила и Ивана Русских.

О Михаиле Павловиче Русских и будет наш рассказ.

II

... Июньская ночь. Темнота накрыла безлесные дальневосточные сопки. Нагретые за день, они дышат жарким, томительным теплом. Ночь кажется спокойной и безлюдной. Но вот чуть слышно звякнули удила, фыркнул конь. Приглушенный человеческий говор. Верховой быстрым аллюром проскакал по дороге между сопками и скрылся в темноте. Оседланные кони, уткнув морды в брезентовые

Михаил Павлович
РУССКИХ

торбы, похрустывают овсом. Смыты темнотой очертания полевых орудий. Внимательный, строгий красноармеец-часовой возле них.

Шел 1929 год. Бандитские части японо-китайских генералов и вышвырнутых за пределы Советского Союза белогвардейцев попытались «сунуть свое свиное рыло в советский огород».

Советская граница ошетибилась сталью. Красные бойцы от нетерпенья крепко сжимали винтовки. Они рвались проучить врага, чтобы и впредь было ему неповадно соваться куда не следует. Славная Особая Дальневосточная Красная Армия нанесла сокрушительный удар по белобандитам.

... Сигнал боевой тревоги звучит в ночи коротко и повелительно. В движениях бойцов рассчитана каждая секунда. Через 17 минут N—ская батарея мчалась в обход с левого фланга занимать позиции.

По батарее били перекрестным огнем. Не попадая в цель, снаряды дожились за дорогой. Оглушительные фонтаны огня взметывались к звездному небу.

— Орудия с передков!

— Прицел... Трубка ноль-ноль...

— Огонь!

Ночь гремит взрывами.

— Огонь...

Далеко от батареи взметываются снопы пламени. Телефонист батареи, не отрываясь от трубки, передает сообщения. Это белокурый парень, батарейный связист Михаил Русских.

Те дни надолго запомнятся белобандитам.

— Бежали тогда они от нашей границы, пятками сверкали, — смеясь говорит мой собеседник, бывший красноармеец ОКДВА, ныне знатный металлург орденоносец Михаил Павлович Русских.

Мы сидим в уютной комнате его квартиры. В окна видна улица социалистического города сталинских металлургов, новые многоэтажные дома. Мягкая снежная кухта

разукрасила деревья. День морозный, солнечный. Трамвай бегут по широкому проспекту им. Молотова.

— Ну вот, как разогнали мы все эти белобандитские банды, проучили как следует — вышло мне время домой возвращаться. Это было в январе 1930 года. К нам вербовщики с Кузнецкстроя приезжали. Я еще в армии завербовался на строительство. Приехал домой, в деревню под Барнаулом, несколько дней погостил, и сюда. Вместе с братом Иваном.

Телефонный звонок прерывает разговор. Повесив трубку, Михаил Павлович говорит:

— Преподаватель звонил. Сейчас придет заниматься. Занимаюсь я в институте по повышению квалификации. Химию, физику, математику изучаю. Много надо знать. Раньше я ведь совсем нигде не учился. Только в армии и подучился. А то темнота сплошная была. Да когда и где было учиться?

Михаил Павлович махнул рукой и продолжал:

— По кулакам все батрачили. Жили мы в деревне Ново-Кытманово под Барнаулом. Пять нас братьев было в семье. В 1914 году умер отец. Трех братьев забрали на фронт. Остались мы с Иваном. Ему четырнадцать лет, мне — девять. Самое бы время в школу ходить, да не до школы было, в большой бедности жили. Ну, а теперь вырос, поднялся — меня уже и теперешняя работа начинает не удовлетворять, дальше шагать хочется. А главное — еще бы поучиться, в Промакадемию поехать. Вот она, моя сегодняшняя мечта, о которой вы спрашиваете.

Михаил Павлович говорит это с достоинством. Он знает, что эта его мечта осуществима так же, как осуществилось его желание стать квалифицированным, передовым человеком Сталинского металлургического завода.

III

Вернувшись из Красной Армии, вместе с братом Иваном пришел Михаил на строительство Кузнецкого завода.

В зимний вечер 1930 года привез их поезд к станции Кузнецк. Черед два дня оба брата вышли с бригадой землекопов на работу, строить первый в Сибири металлургический завод.

Зима стояла в тот год суровая. Морозные туманы висели над стройкой. Замерзала в термометрах ртуть. Землю рвали динамитом, раскалывали накалившими докрасна ломками, раздирали клиньями. Стальные челюсти экскаваторов со скрежетом грызли ее. Мерзлые комки с грохотом падали на платформы.

В первые дни гул стройки, необыкновенный размах строительства ошеломили деревенского парня. Тогда уже стремительно росли в высь громады первых домен, кауперов. Окутанный морозным туманом, одевался в сталь завод-гигант.

Возвращаясь со смены, Михаил останавливался у домен и подолгу стоял возле них. На сорокаметровой высоте работали люди. Туман закрывал их от взора. Только гирлянды электрических ламп, как звезды, светились в высоте. Земля гудела от взрывов, от грохота машин, поездов. Ни днем, ни ночью не прекращался шум.

Михаил Русских постепенно свыкся с шумной и кипучей стройкой. Она стала его настоящей жизнью. Всем нутом он вошел в темп строительства. Стал ударником. Бригада переходила из котлована в котлован. За два года он перевернул тысячи тонн земли.

Однажды ему сказали:

— Товарищ Русских, заводу нужны тысячи квалифицированных рабочих. Надо учиться.

Это был период, когда завод уже готовился вступить в строй действующих предприятий первой пятилетки. Нужно было создавать свои квалифицированные кадры. В те дни грабари, чернорабочие, бетонщики садились за парты, учились грамоте, знакомились с механизмами, осваивали их.

Надо учиться! Об этом и сам много думал землекоп Русских. Он частенько внимательно присматривался к работе экскаваторов, кранов, различных механизмов. Рабо-

та машин влекла его. Удивляло — как это один человек легко и спокойно управляет сложнейшим механизмом.

В свободные от работы часы землекоп Михаил Русских стал посещать шестимесячные курсы машинистов электрокранов. Вместе с братом сел он за парту. Учеба давалась им легко. Вместе ночью они в бараке решали задачи, усваивая первую ступень технических знаний.

Шесть месяцев — короткий срок в человеческой жизни. Но для Михаила Русских он равнялся большим годам. Это было вступление в жизнь, о которой он мечтал. Раскрывались широкие перспективы. Уже ложилась незримая черта, отделявшая малограмотного землекопа от человека, овладевающего знаниями, техникой.

Через шесть месяцев Русских уже навсегда распрощался с лопатой землекопа. Квалифицированным рабочим перешел на монтаж мостовых кранов в прокатном цехе.

Это было началом быстрого роста Михаила Павловича Русских.

IV

Весь 1932 год Михаил Русских проработал на монтаже оборудования прокатного цеха. Только один месяц после окончания курсов работал он помощником машиниста крана. У него был какой-то талант быстрого познания техники. Этим качеством обладал и брат Иван. Они вместе кончили курсы, вместе работали на монтаже мостовых кранов и в одно время стали самостоятельно управлять этими кранами.

— Осваивал я машины хорошо — рассказывает Михаил Павлович. — Легко мне давалось это дело. Работа по установке механизмов в машинных залах была точная, ответственная. Внимательность большую надо было иметь. Освоился быстро. Тогда еще шел монтаж блюминга. Сложнейшее сооружение. Тысячи всевозможнейших деталей. На машинистах кранов большая ответственность лежала. Все

надо подавать своевременно, не сорвать темпов монтажа. Спешили тогда с монтажом. Две домны уже металл давали, мартен начал работать. Дело оставалось за блюмингом, за прокатом. Ну и давали темпы. Ничего, справились...

Работая на кране, Михаил Русских видел с высоты «птичьего полета», как рождался блюминг. Огромный сложный агрегат вытягивался во всю длину цеха. До пуска стана оставались считанные дни. Весь многотысячный коллектив завода нетерпеливо ждал пуска. Огромная мощность стана — на эту тему часто разговаривали рабочие прокатного цеха. Миллион двести тысяч тонн блюмсов за год! Горы металла!..

Русских особенно нетерпеливо ждал пуска стана. Он лелеял мечту — научиться управлять блюмингом. Работая на подаче деталей к стану, присматриваясь к монтажу, он изучал агрегат.

Однажды, вскоре после пуска стана, Русских спросил у американского инженера Фогта, работавшего на монтаже блюминга:

— Сколько такие блюминги дают за границей в смену?
Фогт искоса взглянул на крановщика.

— 240 слитков в смену.

Это была проектная производительность блюминга на крупнейшем в США металлургическом заводе Герри.

Ответ американского инженера поразил Русских. Нужно было пробежать огромное расстояние, чтобы догнать Америку: кузнечий блюминг в первые дни давал всего 20—25 слитков в смену.

Русских сказал тогда вслух:

— И мы будем столько же давать!

Пухлые губы Фогта скривились усмешкой:

— Лет через двадцать...

... Через несколько дней Михаил Русских сел в кабину управления блюмингом. Его назначили помощником оператора — манипуляторщиком. Оператором был рабочий с южного завода.

Острая наблюдательность, интерес к технике пригодились Михаилу Русских. Запомнились и злились иронические слова американского инженера: «Лет через двадцать»... Русских сказал себе: надо в кратчайший срок, как этого требует партия Ленина—Сталина, догнать и перегнать американские показатели по блюмингу!

В 1933 году, изучив технику управления станом, его настройку, Михаил Русских становится оператором блюминга.

V

Частые перебои в подаче металла, плохо нагретые слитки, различные неполадки — все это отражалось на работе блюминга в первое время. Производительность стана была низкой. Да и люди еще учились. Катали 70—80 слитков в смену.

На работу на блюминг из крановщиков перешел и брат Михаила — Иван Русских. Братья сменяли друг друга на посту. Принимая и сдавая смены, они дружески поругивали друг друга, замечая неполадки.

Борьба за высокую производительность стана сделалась делом чести братьев.

Однажды смена Ивана Русских прокатала 100 слитков. Для того времени это была рекордная цифра. Уходя со смены, Иван сказал:

— Ну, браток, подтянись. В следующую смену беру обязательство прокатать 120 слитков.

Победа брата зажгла Михаила. Он принял его вызов на соревнование.

Михаил ответил брату:

— 120 слитков прокатаешь?.. Что же, дело хорошее. А мы сегодня 125 слитков катанем!

Так началось замечательное соревнование между двумя операторами — братьями Русских. За этим соревнованием внимательно следил весь заводский коллектив. Освоение блюминга вступило на новый этап.

125 слитков Михаил Русских в ту смену прокатал. Несколько времени Ивану не удавалось перекрыть его. Потом он прокатал сразу 140 слитков. Первенство Иван держал долго, пока Михаил не прокатал 150 слитков.

В конце 1934 года Иван прокатал 160 слитков, Михаил дал 170. Через десять дней за Иваном значилось уже 200 слитков в смену.

Соревнование за высокую производительность блюминга захватило братьев. Каждый из них к этому времени отлично изучил стан. Оба они чувствовали: то, что они дают, далеко еще не предел.

Осень 1935 года. По всей стране могуче разлилось великое стахановское движение. Вскоре Михаил Русских уже носил высокое звание стахановца. Но всесоюзный рекорд по блюмингу — 239 слитков в смену — был за вальцовщиками Магнитогорского завода.

Кузнецк соревновался с Магниткой. Михаил Русских 30 октября 1935 года прокатал 237 слитков в смену. Он решил перегнать магнитогорских операторов и завоевать всесоюзный рекорд производительности блюминга. К этому у него были все условия. Он относился к славному отряду тех людей, которые «полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и погнали вперед» (И. Сталин).

Рекорды для него не были случайными. Он к ним готовился подолгу, серьезно, как к новой ступени в овладении блюмингом.

Мы долго беседовали с Михаилом Русских про ту замечательную для него осень тысяча девятьсот тридцать пятого года.

— От тех дней веет какой-то особенной теплотой и радостью, какой я никогда до того не испытывал, — рассказывает Русских. — Счастливые дни. Да и весь 1935 год был для меня особенным. Сколько радостных переживаний было в моей личной жизни...

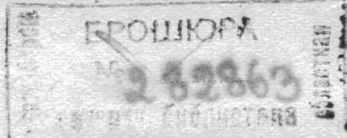
Михаил Павлович задумчиво перебирает разложенные на столе книги, тетради. В комнату вбегает его шестилетняя дочка Маня. Она тормозит отца, показывая только

что раскрашенный новый рисунок. Это огромный, много-трубный, пестрый пароход. В соседней комнате весело вскрикивает шестимесячная Эля. Получив одобрение отца, Маня убегает. Русских ласково провожает ее взглядом. Мы возвращаемся к прерванной теме разговора...

— Большим событием для меня было тогда то, что я сдал на отлично государственный технический экзамен. Я получил право работать на прекраснейшем в мире блюминге. Я гордился званием стахановца потому, что им может быть только тот, кто овладел техникой дела. В ту осень я давал большие прыжки на стане. 22 сентября прокатал за смену 212 слитков. Все удивились — у нас рекордом считалось 180 слитков, а в среднем прокатывали по 140 слитков и даже меньше. Но я считал, что это слишком мало. Потом прокатал 215 слитков. Со мной стали соревноваться другие вальцовщики. Вальцовщик Заварыкин опередил меня, прокатал 220 слитков. Мы соревновались с Магниткой. Я решил перегнать магнитогорских вальцовщиков и добиться всесоюзного рекорда. Стал к нему настойчиво готовиться.

— Простой меньше десяти минут раньше у нас не учитывались. Я как-то над этим задумался. Что было бы, если бы Стаханов да Бусыгин так относились к потере рабочего времени?.. Нет, решил я, сотни процентов перевыполнения нормы с неба не падают. Квалификация у наших вальцовщиков есть, и немалая, но по-стахановски беречь время не научились. А на заводе только и разговоров что о стахановском движении. Читаем в газетах, как первые стахановцы выработку подняли. Будто ничего особенного. Люди те же, инструмент у них такой же, только к делу подход иной. Ну, думаю, если и нам стахановских методов не применить, тогда плохие мы советские люди будем. На технику нашу жаловаться было нечего — прекрасная техника! И выучка есть.

— Вот я и взялся доказать, что на блюминге можно и надо по-стахановски организовать работу. Нельзя швырять-

ся минутами, надо дорожить секундами. Ведь если прокатать на блюминге 200 слитков в смену и на каждом потратить по минуте — это уже двести минут, почти полсмены. Ввели учет мелких простоев, начали нажимать на подачу металла. Собрали сварщиков, подогревающих слитки для проката, и крановщиков. Раньше наши простои для них незаметны были. А тут мы им показали, как малейшая задержка в подаче металла снижает производительность блюминга, как надо дорожить каждой секундой, минутой.

— В нашей работе должна быть полная сработанность нагревательщиков, завальщиков печей, вальцовщиков и, самое главное, — диспетчеров, регулирующих связь мартена с прокатом. Если с мартена металл поступает горячий, то для нагрева слитков в колодцах требуется меньше тепла и создается громадная экономия во времени. Блюмингу легче катать хорошо прогретый металл. Это одно. А второе: надо быстрее катать, без лишних пропусков слитка через валки блюминга. Я поставил себе задачу: меньше делать пропусков. По норме требовалось один слиток пропустить 17—20 раз. Мы даже и в эту норму не укладывались. Бывало, пока делаем лишние пропуски слитка, он остынет, машина не берет. Возвращаешь его опять на колодцы. А почему это так получалось? Давали мы слитку лишний пробег. Выйдет из-под калибра и, пока его манипуляторщик скантует, он полметра—метр уйдет по рольгангу. Это в одну сторону, да в другую. На каждом пропуске по метру — сколько лишних минут! Да еще если слиток плохо прогрет — опять надо больше пропусков делать, лишние минуты тратить. Если все эти минуты перевести на слитки? Вполне все триста слитков и больше можно за смену дать.

— Казалось, это мелкие технические детали. Но парт-организация цеха помогла мне осознать, как стахановцы дорожат временем, какое это большое политическое дело, и постепенно подводила меня к стахановским методам труда.

Ноябрьским днем 1935 года вышел Михаил на смену. Как всегда, бригада собралась перед сменой на «пятиминутку» — на короткое производственное совещание. Разговор шел о великом событии в жизни Советской родины: в эти дни в Москву на первое всесоюзное совещание съехались стахановцы. На «пятиминутке» говорили о стахановских рекордах, о новых нормах и методах работы. В настроениях людей чувствовался большой подъем, энтузиазм. Михаил это понял сразу. Он сказал:

— У нас, конечно, есть на блюминге достижения. Если взять год назад — шагнули мы вперед крепко. Отрицать никто не станет. За две сотни слитков в смену перевалили. Это хорошо. Но этого нам мало. Разве то, что мы даем, предельная норма?..

Михаила перебили:

— Вполне даже можно больше давать!

— Вот я про то и говорю. Факт, что можем. И должны. На Магнитке 239 слитков прокатали — рекорд на весь Союз. Вон в Америке, говорят, 240 слитков катают за смену. Та же техника и у нас. Мировой рекорд — 288 слитков. А мы дали 237 и словно успокоились. Гнать надо вперед технику, догонять американцев. Раньше нам американцы давали скидку на нашу «отсталость», а мы, советские прокатчики, вполне можем теперь сделать скидку на их, американскую, отсталость, если будем работать по-стахановски. Бригада у нас организована крепко, гляди какие орлы — на подбор! Надо работать, как Стаханов — тогда всякие Америки перегоним! Как у нас нынче на колодцах обстоит дело?..

Русских лично проверил состояние нагревательных колодцев, количество металла. Старший сварщик дал обязательство не задерживать подачу, давать хорошо прогретый металл. Затем Русских проверил тщательно стан, его настройку.

... Не успел еще смолкнуть сигнал о начале смены, как

на рольганг стана уже лег первый слиток. Когда оператор давал ему последний пропуск, следующий слиток ждал своей очереди.

Михаил не гонял слиток попустому, он учитывал, кажется, каждый сантиметр его бега. Чуть только слиток выходил из калибра, как уже кантовался и опять уходил под калибр. Удивительно легко, без напряжения шла работа на стане в ту смену. Колодцы «не зашивались». Нервирующие оператора сигналы — напоминания о металле не разносились по цеху.

Ни на минуту не прекращался ход горячего металла. Оператор спокойно сидел на своем, обитом кожей, стуле. Один за другим подкатывались слитки, длинные красные блюмсы торопливо убегали от стана. Хорошо работали и ножницы и краны по уборке горячих блюмсов. Ничто не задерживало работу блюминга.

Изредка на пост поднимались люди, смотрели на работу оператора.

Русских работал молча. Вот уже за вторую сотню пошли слитки.

205...

210...

215...

До конца смены оставалось еще порядочно времени, когда по рольгангу пробежал двести тридцать седьмой слиток — прежний рекорд Михаила.

Двести тридцать девятый слиток — всесоюзный рекорд Магнитки — вытянулся в многометровый блюмс.

Двести сороковой слиток — норма американских вальцовщиков — простучал по валкам рольганга.

По цеху распространилась весть:

— Михаил Русских ставит рекорд.

Она перекинулась на мартен и в другие цеха. Люди, проходящие мимо стана, с восхищением взглядывали наверх в кабину, где за широким застекленным пролетом сидел оператор.

Когда зазвучал сигнал о конце смены — двести сорок

седьмой восьмитонный слиток проходил последний, тринадцатый пропуск через калибр.

247!..

Это был новый всесоюзный рекорд производительности блюминга за смену. Русских поднялся с места. От высокой температуры в кабине у него на лбу выступили капельки пота. Он смахнул их рукой, закурил. На пост уже поднимались люди, жали ему руку. Русских сказал:

— Я думаю, товарищи, что триста слитков за смену — подходящая пока норма для блюминга. Надо опрокинуть старые нормы, устанавливать свои, стахановские!

Только около трех лет прошло от того дня, когда крановщик Русских вел памятный для него разговор с американским инженером Фогтом. «Двадцать лет?» Нет, советский оператор, бывший землекоп Русских меньше, чем в три года, догнал и перегнал Америку!

VI

День 8 декабря 1935 года навсегда запомнился оператору кузнечного блюминга Михаилу Русских. Это был один из самых ярких, счастливых дней в его жизни.

Буранная холодная поземка мела по улицам города. Михаил шел на смену. В зимней панораме величественно дышал завод. Как несокрушимые крепости высились громады цехов. Паровозные гудки резко и весело перекликались в морозном воздухе. Никогда не смолкающий гул шел от завода. Потоки людей лились к цехам. Кругом завода, слегка отуманенные дымкой, лежали заснеженные горы.

Михаил всегда любовался могучим видом завода. Завод вырос у него на глазах. Михаил в душе гордился, что он сам был строителем этого гиганта-красавца. И почему-то именно в этот час пути к цеху ему припомнились первые дни на строительной площадке.

... Был такой же холодный день января. С деревянным сундучком за плечами идет он в разноликой толпе завер-

бованных на строительство рабочих. Смутная тревога лежит на душе деревенского парня — тревога вступления в новую, незнакомую жизнь. Это не была боязнь, нет! Рабочая жизнь интересовала и влекла его. Но все кругом было новое, необычное. Завод рождался в трудных, суровых условиях. Иные, пришедшие вместе с Михаилом, не выдерживали, уходили. Одни по собственной воле, другие — по подстрекательству классового врага-кулачья, пробравшегося на строительство.

Михаил сумел глянуть дальше, вперед. Он не испугался никаких трудностей, преодолевал их, как преодолевали тысячи людей, воодушевленных партией. И завод отплатил сторицей землекопу Русских. Он вырастил его, поставил на правильную линию, дал возможность широкого продвижения вперед...

На фоне могучих цехов стоял монумент того, чье имя носит завод.

Слегка припудренная снегом гранитная фигура Сталина как бы шла вперед, буранный ветер с гор раздувал полы шинели. За спиной великого вождя народов высились домы. Бесшумно поднимались на сорокаметровую высоту скипы с рудой. Точно многотрубный броненосец дымила теплоцентраль.

Казалось, Сталин шагал навстречу металлургам, идущим в цеха. Монумент вождя напоминал людям, что партия, руководимая великим Сталиным, построила этот завод, подняла людей и дала им в руки первокласснейшую технику. Об этом ни на одну минуту не забывал Михаил. Он считал себя в долгу перед партией, поднявшей и воспитавшей его до квалифицированного мастера, до стахановца. Он постепенно подготавливал себя к тому, чтобы встать в ряды коммунистической партии Ленина—Сталина.

... Как только Русских появился в цехе, его сразу окружили со всех сторон. Десятки широких ладоней тянулись, схватывали руку, крепко жали. Михаил не мог ничего понять. В чем дело? С чем его поздравляют? Наконец, все стало ясно. Ему рассказали, что его в числе первых зачи-

нателей стахановского движения в промышленности и на транспорте правительство наградило высокой наградой страны — орденом Трудового Красного знамени.

Ему еще как-то не верилось. Но вот в газете постановление ЦИК СССР: «Наградить орденом Трудового Красного знамени... Русских М. — вальцовщика блюминга Кузнецкого металлургического завода имени Сталина».

— Это было большое и незабываемое событие в моей жизни, — вспоминает Михаил Павлович. — День большой радости и волнения. Я тогда сказал себе: «Надо, Михаил, еще лучше работать, шагать еще дальше». Трудно словами передать, какие чувства я переживал тогда... Мог ли я когда-нибудь мечтать о такой великой чести...

В том году он вступил в группу сочувствующих Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Он с великой гордостью думал о том дне, когда он заслужит право быть в рядах партии Ленина—Сталина. Он изучает историю партии, «Вопросы ленинизма» Сталина и труды Ленина. Читает классиков художественной литературы, не пропускает ни одной новинки из современной литературы.

С каждым днем расширяются перед ним границы познания. Он несет общественную нагрузку. Групппрофорг в цехе, член горсовета, член ЦК союза металлургов Востока. Выполнить каждую общественную работу считает для себя честью — значит, он достоин доверия, если ему поручают эту работу.

В течение всей своей работы на блюминге Михаил Русских не переставал учиться сам и учить других. Не считаясь со временем, он с охотой передает свой опыт другим. Он не таит в себе «секреты» высокой производительности. У него нет зазнайства. Со всеми держит он себя ровно. Со всеми товарищески общителен. Отсюда его авторитет в бригаде, в цехе, в заводском коллективе. У него чуткое отношение к людям. Он умеет ценить хороших работни-

ков, умеет сразу распознать дельного производственника.

Это — черты будущего отличного руководителя-хозяйственника.

Русских поставил рекорд, но он не скажет, что это его рекорд.

— Рекорд не только мой, — говорит Михаил Павлович, — он зависит от всего коллектива, от его слаженности.

У него на первом месте поддержка чести коллектива блюминга, завода в целом. Если случается какая неполадка в цехе — Русских горячо принимает ее к сердцу и старается всем, чем может, помочь исправить недочет.

— Человек напористый, — говорят о нем в цехе.

В его действиях, в разговоре — конкретность. Человек большой воли и самообладания, он непримирим ко всяким замечаемым безобразиям. И если видит ошибки других людей, умеет помочь этим людям выправить их.

Разоблаченные ныне враги народа, подло орудовавшие на заводе, ненавидели Русских — зачинателя стахановского движения на заводе. Прикрываясь всяческими масками, они старались мешать стахановской работе Русских, устраивали ему всяческие подвохи, тормозили его продвижение вперед, как стахановца. Русских пришлось целый год бороться за то, чтобы сократить количество пропусков слитка с 17 до 15. Он разбил всякие «доводы» замаскированных вредителей и добился своего. Сократил паузы. Отвоевал на каждом слитке 19 секунд.

Всегда резко и открыто выступал Русских против врагов народа, маскировавшихся троцкистско-бухаринских бандитов, творивших гнусные вредительские акты. За «неполадками» он видел большее. Так, например, обстояло дело с электрооборудованием на блюминге. Одно время очень часто происходили различные «неполадки» в электрохозяйстве цеха, совпадавшие с самыми боевыми моментами в работе блюминга, когда стахановцы брали разгон, перевыполняли планы. Временами блюминг стоял часами.

— Тут что-то не так, — решил Русских. — Это не простая случайность. Корешок поглубже зарыт.

Эти «неполадки», их виновников со всей своей горячностью Русских громил на цеховых собраниях, говорил о них с директором завода, в парткоме. Острое чувство бдительности честного советского человека подсказывало ему, что дело тут не совсем просто. Вскоре славные наркомвнудельцы фразыскали и вытащили этот «корешок». В самом сердце цеха, в электрохозяйстве, орудовал подлый фашистский шпион и диверсант. Гнусным вредителем, врагом народа оказался и начальник цеха.

**

Свой рост, как стахановца, свое движение вперед Михаил Павлович Русских относил к коммунистической партии. Великая партия Ленина—Сталина вырастила и подняла его. Взором внимательного, вдумчивого воспитателя она следила за ним, помогала преодолевать трудности, подбадривала, смело выдвигала вперед, закаляла в борьбе с врагами народа.

Вся жизнь Русских, все его мысли теперь были уже неразрывно связаны с партией. Величайшим событием в его жизни был тот день, когда парторганизация цеха приняла его кандидатом в члены Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Знаменательные, волнующие события следовали одно за другим.

Однажды весь завод облетела радостная весть:

— Приехал Серго Орджоникидзе.

Приезд Серго совпал с сменой Русских. Михаилу сказали, что нарком обязательно будет в прокатном цехе. Спокойный с виду, сидел Михаил на своем обычном месте в кабине. Сердце билось учащенно, и в то же время во всех движениях вальцовщика была обычная размеренность и уверенность.

Серго поднялся на пост управления блюмингом вместе с директором завода Бутенко.

— Наш лучший вальцовщик, — отрекомендовали Михаила Русских командарму тяжелой индустрии.

Серго молча кивнул Русских головой, как своему знакомому — он знал всех лучших людей металлургии. Нарком встал сбоку у стеклянного широкого пролета. Он внимательно следил за обжимом. Жаркое сияние раскаленных слитков падало на его лицо. Он долго стоял у окна, провожая взглядом слитки. Глаза наркома лучились улыбкой. Время от времени он поднимал руку, расправлял усы и переводил взгляд на рычаги контроллеров, которыми управляет Русских. Довольная улыбка лежала под черными губными усами наркома.

Привычными, спокойными движениями Русских прогонял восьмитонные слитки. Серго стоял слева в полуобороте к Михаилу. Михаил видел смелый, четкий профиль наркома: высокий лоб, орлиный нос, улыбку поощрения в углах губ. Вся его легкая полная фигура дышала необыкновенной силой и душевной теплотой.

В кабине было жарко. Серго распахнул шинель. Знакомый по фотографиям френч глянул из-под нее.

Неторопливо разглаживая пальцами усы, Серго сказал:

— Молодец, Русских! Как на пианино играешь.

Он улыбнулся. Радостные искорки вспыхнули в внимательных, добрых глазах. Широкая ладонь легла на плечо Михаила.

**

Осенью 1936 года металлурги Сталинского завода послали Михаила Павловича Русских на Чрезвычайный III Краевой Съезд Советов. С краевого съезда он едет делегатом в Москву на Чрезвычайный VIII Всесоюзный Съезд Советов утверждать Сталинскую Конституцию.

Москва... Русских приехал в столицу великой социалистической родины второй раз. В первый приезд Михаил Иванович Калинин вручил ему орден — награду за честный стахановский труд. Теперь он приехал посланцем народа утверждать величайший документ эпохи — Сталин-

скую Конституцию. Это высокое доверие народа было второй наградой оператору блюминга.

И вот он видит того, к кому обращаются мысли и чувства трудящихся всего мира. Товарищ Сталин выступает с докладом. Русских видит его впервые. Старается запомнить дорогие черты его лица, движения, слова, чтобы на всю жизнь сохранить в памяти живой облик гениального вождя народов. Он мечтал своей работой заслужить возможность увидеть и услышать товарища Сталина. И вот эта мечта сбылась...

Когда товарищ Сталин с уничтожающей иронией говорил о провалившихся скептиках, критиковавших проект Конституции, Русских вспоминал, как подобных же буржуазных скептиков опрокинули они, прокатчики Сталинска. Американские специалисты определили производительность блюминга Кузнецкого завода в 700—800 тысяч тонн проката в год. Ко дню исторического Съезда Советов 1.000.000 тонн проката для коллектива кузнецкого блюминга был уже завоеванным этапом.

Съезд оказал высокое доверие орденоносцу Русских. Его избрали членом Редакционной Комиссии для окончательного утверждения текста Конституции.

Вернувшись со Съезда, Русских дал новый рекорд—290 слитков за смену, 2020 тонн полезного проката. Высшая американская норма была бита!

VII

Михаил Павлович Русских в своей работе много забот отдал подготовке новых кадров.

— Наш завод молодой, кадры тоже молодые, — рассказывает он. — Им нужен опыт, учеба, постоянная работа. Нам, людям уже овладевшим техникой, надо вникать и в ту работу, которую делает стоящий рядом товарищ, помогать ему осваивать технику. Нужно не только самим по-стахановски работать, но и помогать другим товарищам, которые отстают. Партия нас учит — надо смелее выдвигать новые кадры. Присмотрелся к человеку, видишь —

дельный парень, двигай его вперед, помогай подняться. Вот у меня один факт был, как раз к этому разговору. Работал у нас на блюминге на колодцах Мизюрин. В годах человек, а напористый, живой. Не вышел как-то на смену старший сварщик. Как тут быть? Зашьются колодцы — прорыв на блюминге, во всем цехе. Я говорю начальнику смены: «Ставь Мизюрина, смену не провалит. Знаю человека отлично. С самого пуска работает». У того сомнение: человек малограмотный, старый, а вдруг не справится? Я все же настоял на своем. И не ошибся. Ту смену работали, как никогда. Подняли в человеке уверенность, производственный энтузиазм. Понимаете, Мизюрин как будто помолодел! Двести шестьдесят слитков прокатали мы тогда! Неплохо работали. Мне приходится с людьми много дела иметь и как члену горсовета и как члену ЦК профсоюза. По всяким нуждам идут ко мне. Присматриваясь и разговаривая с народом, вижу, что много есть хороших, дельных людей. У нас еще часто приходится слышать жалобы: «Людей нет, некому поручить ту или другую работу». Неверно это. Есть люди! Бери лучших активистов, выдвигай. Приучай постепенно к общественным нагрузкам, помогай расти, двигай людей вперед...

Чуткостью и вниманием к людям хорошо обладает Русских. Вот два факта. Заболел как-то крановщик Колесников. Об этом узнает Русских, идет к нему на квартиру. Узнает, что больной нуждается в курортном лечении. Колесникова он знает, как хорошего, честного рабочего. Русских идет в завком, рассказывает о нем, и через два дня больной уезжает в санаторий. Второй случай. Рабочий, приехавший недавно на завод, нуждается в лесе для постройки домика. Работает он на блюминге чернорабочим. Русских уже заметил его, видит, что человек старается и стремится идти вперед, к более сложной работе, чем та, которую он сейчас выполняет. Рабочий долго не мог добиться, чтобы ему отпустили лесоматериалов. Кто-то ему посоветовал: «Поговори с Михаилом Павловичем». И Русских сумел ему помочь.

Русских умеет заражать людей производственным энтузиазмом. Все время он работал во второй бригаде. Твердая дисциплина, организованность, крепкая спайка отличала бригаду Русских. «Пятиминутки» перед сменой всегда были конкретны, оперативны. Выступает начальник смены с информацией о полученном производственном задании.

— Сегодня наш план прокатать 250 слитков. Какие к этому мы имеем условия?..

Начальник смены коротко перечисляет эти условия: количество металла на колюдцах, имеющийся холодняк, предстоящие плавки на мартене, качественный состав проката. Каждый из бригады уже обошел свой участок работы на блюминге, заметил недочеты, оставшиеся от предыдущей смены. Вся картина налицо:

— План выполним!

Обычно последним выступал Русских. Он говорил коротко, но умел всегда сказать о главном, сказать горячо, конкретно, так, что ни у кого не рождалось сомнений в возможности выполнения производственного задания. Если Михаил Павлович сказал, что надо перевыполнить план, значит это будет сделано.

Одно время третья бригада плелась в хвосте. В ней не велось никакой работы с людьми. В бригаду перевели Русских. Он пришел туда, собрал бригаду, поговорил с каждым рабочим, выявил слабые места. Ввел в систему пятиминутные производственные совещания перед сменой. По окончании смены разбирали результаты работы, подтягивали отстающих. В непродолжительном времени бригада стала иной. Вскоре она вышла на первое место в цехе.

В прокатном цехе вступил в строй новый стан «900». Требовалось быстро его освоить. Опытных кадров было мало. Для быстрого освоения нового стана Михаила Павловича временно перевели инструктором по подготовке кадров стана «900».

Михаил Павлович с охотой перешел на новый стан. Ему нравилось готовить молодые кадры.

Он видел, как расширялся, рос и крепнул в стаханов-

ском походе за овладение техникой могучий завод, и считал своим долгом большевика готовить новые кадры опытных прокатчиков.

На новый стан пришла работать молодежь. Ее нужно было настойчиво и кропотливо учить искусству мастерского управления сложным станом.

С сознанием высокой ответственности относится Михаил Русских ко всякому порученному ему делу. Так и здесь: с большим умением, как хороший педагог-воспитатель, Русских стал передавать свой стахановский опыт молодым вальцовщикам стана «900» Лузгину и Гончарову. Вначале неуверенно, затем все смелее и смелее начали самостоятельно управлять станом Лузгин и Гончаров. С помощью Русских они быстро добились стахановской производительности стана, превратились в лучших вальцовщиков в цехе.

Через месяц работы на стане «900» Русских прокатывает уже сто блюмсов за смену, 400 тонн проката. Это было близко к проектной производительности стана.

К Русских на блюминг поставили учеником-манипуляторщиком Колокольцева Петра. Парень был смекалистый, но не совсем выдержанный, расхлябанный. Русских вел частые разговоры с Колокольцевым.

— Учись, Колокольцев, толк из тебя выйдет, — говорил ему Михаил. — Работай спокойно, выдержанно. К машине относись любовно. Она требует большого внимания к себе — тогда и результаты работы будут хорошие. Дома учишься, читаешь?..

— Мало.

— Это плохо, товарищ Колокольцев. Надо много учиться. Теперь и старые люди учатся и переучиваются многому, а ты молодой, да к тому же и комсомолец!

Так незаметно, изо дня в день, товарищеская помощь, советы, указания подняли молодого парня. Русских привил ему любовь к учебе. Часто они встречались и на квартире Михаила. Колокольцев бросил хулиганить, втянулся в общественную работу, стал много читать. Впоследствии он стал неплохим помощником оператора.

На блюминге шло упорное соревнование за 300 слитков в смену — за 6.000 тонн товарного проката в сутки. Поставленный Михаилом Русских рекорд — 290 слитков — долгое время не удавалось перекрыть ни одному из вальцовщиков блюминга. Братья Русских, встречаясь в цехе и в домашней обстановке, подзадоривали друг друга. Михаил говорил:

— Что-то долго мы стоим, Иван, на мертвой точке. Я думаю: вот Иван перекроет меня — даст триста, а зан — помалкивает, тает.

Иван соревновался с оператором Магнитогорского завода Богатыренко. Прокатать 300 слитков было его давнишним желанием. Отвечая брату, он говорил:

— Да и ты, браток, никак не перескочишь дальше. За-о? Давай, ударим по рукам, кто первый даст триста. Не сдастся, что оставлю я тебя позади.

Братья часто вместе обсуждали возможность добитьсяшей производительности блюминга. Оба они пришли к твердому убеждению, что и 300 слитков в смену — не предел. Можно катать 320—350 слитков за смену. Это во многом зависит от точного выполнения графика поступления горячего металла. Часто производительность снижалась по не мартена — задерживались плавки, слитки долго обрабатывались на стриппере, отчего теряли температуру, брали больше времени на нагрев в колодцах.

На нагревательных колодцах блюминга тогда пробовали новый способ садки слитков: «вниз головой». Широкая часть слитков оказывалась вверху, под действием более высокой температуры. Это значительно ускоряло нагрев. Вместо обычных семи часов слитки прогревались за пять часов. Подача металла на блюминг ускорялась, шла беспробойно, увеличивая производственный эффект. Такая рационализация нагрева дала возможность Ивану Русских прокатать в одну из смен 44 слитка в час. Это было большим достижением.

Можно было еще и дальше гнать технику. 350 слитков за смену было не пустой мечтой, а реальностью.

Иван Русских вскоре прокатал 293 слитка — перекрыл рекорд брата. Михаил обрадовался:

— Молодец, Иван, триста прокатает, факт. Нстойчивый. Раз что сказал — топором не вырубись.

Встречаясь в цехе с Иваном, сдавая или принимая смену от него, Михаил говорил:

— Жми, Иван, дело доброе...

— Нажимаю, браток... Подтянись, а то отстанешь.

В ночную смену в сентябре 1937 года Иван прокатил 309 слитков. Узнав о рекорде, обрадованный Михаил ночью пришел в цех поздравить брата с небывалым рекордом.

— Вот это здорово, Иван. Перекрыл границу на все сто. Теперь им долго тянуться надо. Мы им показали, что значит творческий социалистический труд!

Михаил улыбнулся. Потом сказал:

— Но и не зазнавайся, Иван, учи других двигаться дальше.

Они вместе шли с завода домой. Осеннее утро туманом лежало над быстрой Томью. Иван проговорил вслух:

— Хорошо бы сейчас с ружьишком на озера махнуть...

Он любил охоту, тихие заводи рек, прикрытые лопушиником камышковые озера. Детские и юношеские годы братьев прошли в местах, богатых озерами и дичью. Братья редко разговаривали о прошлом. Они шли некоторое время молча. Иван мечтательно смотрел в сторону гор, реки. Михаил сказал:

— Помнишь, Иван, как батраками ездили на лобогрейке у кулаков в Кытманово? Как, браток, далеко то время ушло! Подумаешь иной раз и не верится, что ты та же человекостал, так поднялся!

— Одним конем управляли, да и то чужим, — улыбнулся Иван.

— А теперь, — ответил Михаил, — семь тысяч механических «коняг» в наших руках и не чужих, а своих.

Они остановились закурить. Обернулись к заводу. Солнце поднималось из-за гор. Золотистые лучи его лежали на домнах. Над тушильной башней коксового цеха поднималось к голубому небу облако пара. Купаясь в золотом разливе, оно медленно таяло.

Братья стояли молча, любуясь прекрасным видом полного жизни могучего завода.

**

В дни первой Сессии Верховного Совета Союза ССР встретились мы с Михаилом Павловичем Русских. На заводе имени товарища Сталина это были дни больших производственных побед. С чувством великой радости встретили металлурги Сталинска открытие первой Сессии советского парламента. Сталевары мартеновских печей перевыполняли плановые задания. Не отставали от них доменщики и прокатчики. Волна нового подъема социалистического соревнования охватила все цехи завода. Свою любовь и преданность родине, великой партии Ленина—Сталина металлурги Сталинска выражали в новых стахановских победах.

Михаил Павлович уже два месяца упорно сидел за книгами. Это был его учебный отпуск. Книги по физике, химии, математике, тетради с чертежами разложены на столе. Как и в цехе, он работал по точному графику. Часы политзанятий сменялись чтением художественной литературы. Потом новые математические формулы и задачи заполняли страницы тетради. Занимался он с увлечением, с настойчивостью. Не отрывался от жизни цеха, заводского коллектива.

Михаил Павлович очень обрадовался, узнав, что брат первым из операторов блюминга перевыполнил в январе сменное задание.

— Блюминг в последнее время что-то «зашиваться» стал, а теперь, видать, опять на подъем идет.

Михаил Павлович задумывается, потом говорит:

— Мне-то уж, наверное, не придется возвращаться на

пост. Хотят поставить на другую работу. Это и правильно. Вырос я до оператора блюминга — путь большой проделал. Но ведь это — не предел для меня. Хочется дальше шагать. Полагаю, что и на большой работе не споткнусь...

Он улыбается.

— Вот так оглянешься назад иногда, сравнишь сам себя с прежним Русских — ничего похожего. Я уже не говорю о материальном положении. Средний мой заработок теперь — 1500 рублей в месяц. Недостатка ни в чем нет. А главное — внутренне-то как вырос! Часто хожу в театр, кино, постоянно посещаю библиотеку, прочел много книг и по политике, и беллетристики. И чем больше читаю и учусь, тем больше хочется читать и учиться. Я ведь, по правде сказать, несколько лет тому назад до книг почти не дотрагивался, мало интересовался культурой. Партия, завод изменили меня. Другим сделали человеком.

Михаил Павлович встает, крупным шагом ходит по комнате.

— Да, — восклицает он, — наша большевистская партия умеет воспитывать людей!

IX

В феврале 1938 года Михаила Павловича Русских выдвинули на командную работу в цехе. Его назначили начальником смены блюминга. Это пост инженера. Парторганизация и руководители завода не ошиблись в своем выборе, смело выдвигая мастера первого класса орденоносца Русских на такой пост. В первые же дни работы смена Михаила Павловича перевыполнила производственное задание. За две смены она прокатала 3789 тонн металла, выдала сверх плана 329 тонн.

Бывший оператор блюминга принял отстающую бригаду. Начался коренной перелом в организации труда. Новый командир мобилизовал прокатчиков на выполнение плана. Русских уверенно повел бригаду к большим достижениям. Бригада стала систематически выполнять план. Однажды в

феврале оператор смены Курепин прокатал 1788 тонн металла. На другой день он прокатал уже 2001 тонну.

Роль крепкого командира-организатора почувствовалась сразу. Смена орденоносца Русских вышла на первое место. Это достижение Михаил Павлович Русских относит к людям всей бригады:

— Эти успехи, — говорит он — были достигнуты благодаря четкой работе сварщиков, машинистов, вальцовщиков. Кроме того, горячий металл с мартена подавался равномерно, что позволило нагревательным колодцам работать по графику и бесперебойно подавать горячий металл на блюминг. Я ставлю своей задачей — еще дальше двигаться в перед работу нашей смены.

**

На первом Всесоюзном совещании стахановцев товарищ Сталин говорил:

«... Уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. Было бы смешно думать, что такой подъем неосуществим. Он вполне осуществим в условиях советского строя, где производительные силы страны освобождены от оков капитализма, где труд освобожден от гнета эксплуатации, где у власти стоит рабочий класс и где молодое поколение рабочего класса имеет все возможности обеспечить себе достаточное техническое образование. Нет никаких оснований сомневаться в том, что только такой культурно-технический подъем рабочего класса может подорвать основы противоположности между трудом умственным и трудом физическим, что только он может обеспечить ту высокую производительность труда и то изобилие предметов потребления, которые необходимы для того, чтобы начать переход от социализма к коммунизму.

Стахановское движение знаменательно в этой связи в том отношении, что оно содержит в себе первые начатки,

правда, еще слабые, но все же начатки такого именно культурно-технического подъема рабочего класса нашей страны».

Семь лет тому назад на стройку социалистического завода-гиганта пришел малограмотный деревенский парень Михаил Русских.

На заводе он прошел огромный путь подъема и роста — от землекопа до оператора блюминга. Здесь он познал технику, овладел ею, двинул ее вперед.

Михаил Русских стал орденоносцем, уважаемым всеми, знатным человеком страны.

Он прошел школу большевистского воспитания, закалился в борьбе за освоение завода и по достоинству носит высокое звание кандидата Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Партия вырастила его до уровня инженерно-технического работника и поставила на ответственный пост начальника смены блюминга — сложнейшего агрегата черной металлургии.

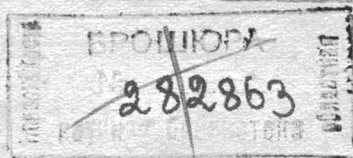
Так в могучем сталинском походе за овладение техникой поднялся и вырос Михаил Павлович Русских — знатный человек Кузнецкого металлургического завода имени товарища Сталина.

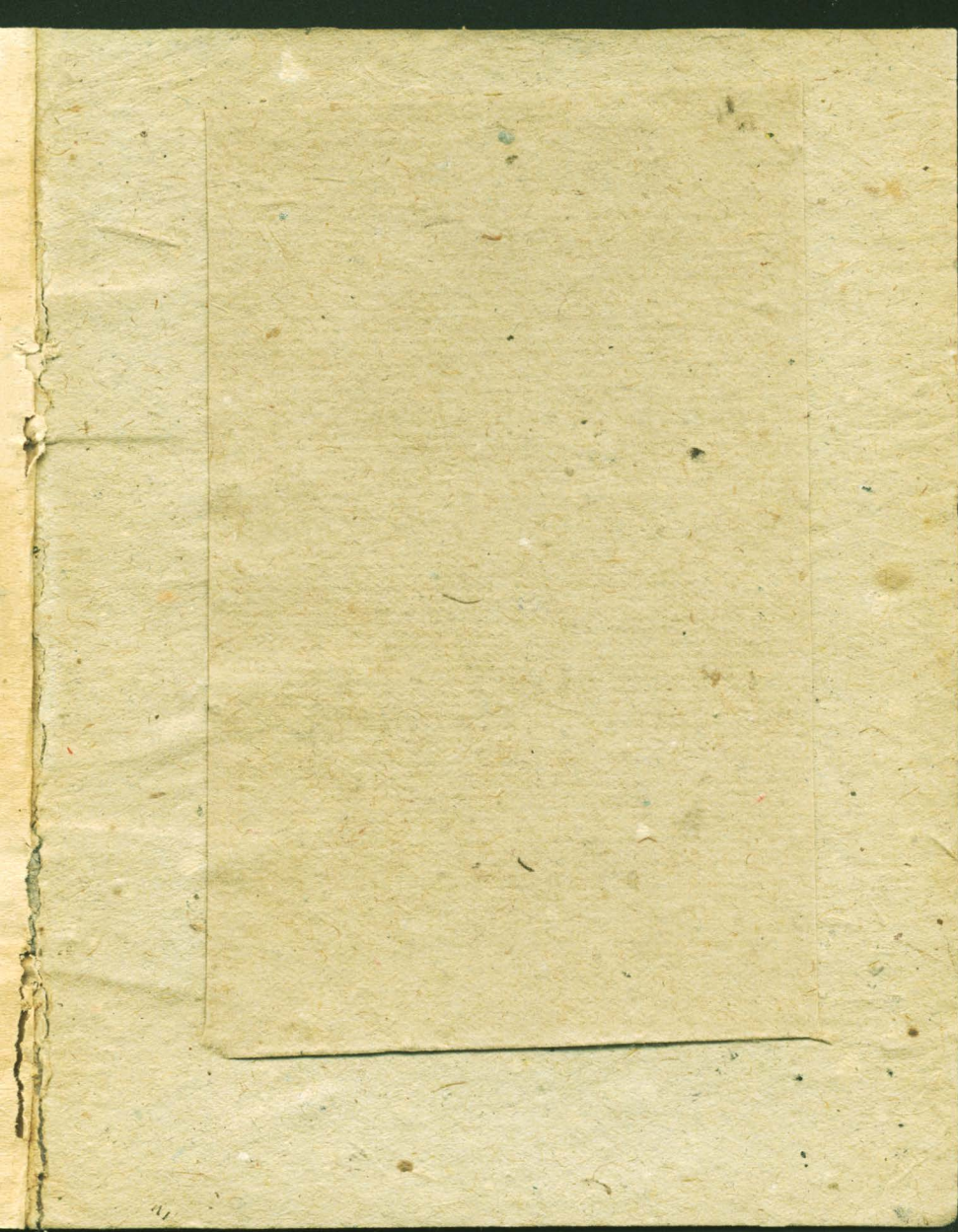
Новосибирск
1938 г.

КЕМЕРОВСКОЙ

Центральной библиотеки

имени В. И. Ленина

35 коп.

04

мар 35

НОВОСИБИРСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК—1938